

Преображение Черубины

Московские новости. - 1998. - 27 сент. - с. 23.

Московские издательства «ИМА-Пресс» и «Аграф» выпустили «Черного ангела» и «Исповедь» Черубины де Габриак.

На Черной Речке, в местах для русской словесности роковых, через 62 года после дуэли Пушкина с Дантесом происходил еще один «литературный» поединок — стрелялись Гумилев с Волошиным. Все кончилось, по счастью, ничем. Четкое описание событий дано одним из секундентов, Алексеем Николаевичем Толстым. Так и видишь всю набросанную мастерски ядовитым пером сцену: «... мы оставили автомобили и вышли на голое поле, где были свалки, занесенные снегом... Кузмин, не в силах долее стоять, сел в снег и заслонился хирургическим ящиком, чтобы не видеть ужасов...» Пришли непримиримые враги на смертный бой, а вышел фарс. К тому же опоздавшая (по российскому обыкновению) полиция взамен участников происшествия доставила в участок забытую в глубоком снегу галашу. Последовали зубоскальские фельетоны; с легкой руки Саши Черного стали Максимилиана Волошина называть «Вакс Колошин». Между тем предмет резиновой обуви потерял секундент... Все это имело, однако, большие и долгие последствия в литературе. Например, Анна Андреевна Ахматова, шесть лет отстранявшаяся от Гумилева, увидев его несправедливо обиженным, униженным, приняла наконец предложение и вышла замуж. Никогда не ездила в Коктебель, не могла простить Волошина (впрочем, и писанину его презирала искренне).

В истории этой важен повод. Была разоблачена одна из самых упительных мистификаций нашего века. Стихи поэтессы Елизаветы Дмитриевой неоднократно отвергались журналом «Аполлон», и очередная ее подборка была послана в редакцию под изысканным псевдонимом «Черубина де Габриак». Стихи засверкали и показались дивными. Черубина имела успех фантастический. Поэты и читатели журнала бредили стихотворной исповедью юной испано-французской аристократки, воспитанной в монастыре, тоскующей о Спасителе и терзаемой кощунственной плотской страстью к нему.

Сияющее восхождение Черубины воспламенило лучших поэтов серебряного века — Анненского, Вяч. Иванова, Кузми-

на, а также Гумилева и Волошина... Но Гумилев не знал, что «святое имя Черубины» приняла его бывшая возлюбленная, учительница начальных классов. Воспитанная отнюдь не в келье монастыря, но знавшая тусклое и тяжелое детство, с ранних лет болевшая костным туберкулезом... Что же касается хлопотливого Волошина, то он, больше всех восторгавшийся, был подлинным организатором мистификации, соавтором (или, во всяком случае, редактором) созданий сотворенной им (и мучительно любимой) поэтессы.

Проделка, в сущности, была полезной для поэзии, что-то в этом было живящее и бодрящее. Общее же разочарование убийственно и уныло. Был сокрушен издатель «Аполлона» С.Маковский, влюбленный в Черубину заочно. Встретившись в недобрый час с избалованной Елизаветой Ивановной, нашел ее уродиной. Впрочем, это — горечь от несовпадения с образом. Все-таки Елизавета Ивановна безобразной не была и всю жизнь пользовалась мужским вниманием незаурядных людей. Тот же Гумилев делал ей предложение незадолго до катастрофы и провалился... Но теперь последовали его надменные эскапады. В результате — оскорбленные действием, нанесенное Николаю Степановичу могучей рукой Максимилиана Александровича, и — дуэль.

Вообще говоря, история эта в литературном кругу всегда была известна. Когда-то А.А. Тарковский, вручая мне самиздатовскую «Исповедь» Черубины де Габриак, сообщил некоторые неприязненные высказывания Ахматовой о «сопернице». Никакого значения творчеству Черубины Анна Андреевна не придавала, а женщинам, посягавшим на ее, Ахматовой, венчанного мужа, не прощала никогда. Все же мне кажется, была несправедлива к ранним стихам Черубины. А поздних и не знала. Вот именно о них хочется сказать...

Разоблаченная Черубина прожила поразительную жизнь, насыщенную событиями и страстями. Вышла замуж за инженера-гидролога В.В. Васильева, путешествовала с ним по Туркестану. Затем несколько лет провела в Швейцарии и Германии у Рудольфа Штайнера, увлекшись его антропософией. Знания у Елизаветы Ивановны были обширные. Она перево-

дила испанских, старофранцузских и немецких средневековых мистиков, знала не только латынь и английский, но решилась изучить и язык Библии, а позже увлеклась древним Китаем... Стихи продолжала писать, уже отринув оплаканный псевдоним. И стихи становились все лучше. Главное, на мой взгляд, она написала в годы гражданской войны и после нее. И если стихотворения Черубины роскошны и великолепны, то стихи Елизаветы Дмитриевой (Васильевой) просты, проникновенны, пронзительны, прекрасны. Таково, например, стихотворение о «жестокости без меры», загубленном и родном Петербурге: «Отходит обида глухая, смолкает застывшая кровь, и плечет душа, отдыхая, и хочется, хочется вновь туда, вместе с ветром осенним прижаться, припасть головой к знакомым холодным ступеням, к ступеням над темной Невой...» Это написано в Екатеринодаре, где Елизавета Ивановна сначала служила в денкинском ОСВАГе, а затем, при красных, вместе с Самуилом Маршаком (который тоже сотрудничал в «белогвардейской» печати) создала театр для детей. Именно она вовлекла в детскую литературу Маршака, ставшего классиком этой удивительной отрасли словесности.

Последние дни Елизаветы Ивановны прошли в Ташкенте, куда она была выслана. Инкриминировали ей «активную борьбу с рабочим классом». Принято говорить, что начавшая мистификацией Черубина де Габриак мистификацией и закончила. Очевидно, не без влияния уроков знаменитого китаиста Ю. Щуцкого сочинила «Домик под грушевым деревом», цикл стихов некоего китайского поэта: «В 1927 году от Р.Х., когда Оуптер стоял высоко в небе, Ли Сян Цзы за веру в бессмертие человеческого духа был выслан с Севера в эту восточную страну, в город камня». Нет, я не сказал бы, что эти милые, стихотвореньища — мистификация. Все очевидно. И дата названа верно, и — суть обвинения. И Ташкент в переводе с тюркского — «город камня». Это — стилизация. Не преувеличиваю значения «китайского» цикла, впрочем, он — живой и лучше обычной тяготины переводов дает представление о китайской поэтике. Умирая от неизлечимой болезни и неисцелимой тоски, она мысленно видела Неву и задавала вопросы иронические и отчаянные: «Вода в Неве еще осталась синей? / У Ангела из рук еще не отнят крест?»

Настоящих удач у нее было все-таки немного, и все же они — блестящая страница серебряного века, горящего и превращающегося в скорбную медь.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

